

Пролог ДВОРНЯГА

Впереулке Тико пнул сдутый футбольный мяч и засмеялся, глядя, как Мау-Мау, бурый щенок с пожеванным ухом, загоняет его в лужу, разбрызгивая грязную воду. Тико любил Мау-Мау. Не то чтобы это был его щенок, скорее просто деревенская собака, каких много кругом — ищут объедки или гоняются за крысами, когда даже объедков нет. Но Мау-Мау был лучшим другом Тико.

Как и пес, Тико являлся изгоем, мать избавилась от него, когда мальчику исполнилось три года и она поняла, что белая кожа и красноватые глаза никуда не денутся. Она много молилась, даже пригласила знахарку из соседней деревни, чтобы та попыталась изгнать зло. Но и это не сработало.

Когда другие начали винить мать Тико, что та родила ведьмёныша, она стала отсылать его подальше и на подольше. Не кормить его мать не могла, но Тико приходилось есть на улице, а потом отправляться с поручениями все дальше, и никому не было дела, вернется ли он назад. В четыре года Тико услышал, как мать объясняет другой женщине, что он вовсе не ее сын, а на

самом деле несчастный ребенок подруги, которого она выхаживает. Тико был уверен, что это неправда, но не винил мать. Он знал, что не такой, как все, и поэтому матери нелегко. Снова забеременев, она однажды вышла на порог и громко, чтобы слышали все соседи, объявила, что Тико чужой и делать ему тут нечего, пусть убирается. С того дня в дом Тико больше не пускали. Иногда по ночам, если он плакал от голода у порога, мать могла дать немного еды. Но если с ней был мужчина, она снова прогоняла Тико, притворяясь, что не знает его.

Он научился выживать, не попадаясь людям на глаза и узнав, что есть те, кто помогут, опять-таки при условии, что этого никто не увидит. Одна бездетная старая леди давала ему полпирога или немного рисовой каши, если оставалась лишняя. Был г-н Инару из ремонтной мастерской, двор которой заполняли ржавые детали машин. Он разрешал Тико ночевать там и прятаться от других детей. Мальчишки всегда гонялись за ним, а поймав, били, драли за волосы, называли ведьминым сыном.

Вот он и любил Мау-Мау, собака не ненавидела его и даже не терпела — щенок лизал лицо и сидел рядом с мальчиком, когда шел дождь или было холодно. Тико опустился на колени, погладил Мау-Мау и поднял мяч. Интересно, сможет ли г-н Инару починить его, чтобы мяч держал воздух. Хотя, конечно, другие дети все равно отберут рано или поздно.

Засмотревшись на мяч, Тико не сразу заметил в луже еще одно отражение. Человек, очень высокий мужчина, улыбался ему. Тико посмотрел на доброго человека. Он был в черных брюках и белой рубашке, мужчины

в деревне одевались так на работу или важные мероприятия.

— Ты Тико? — спросил мужчина таким властным, но теплым голосом, что Тико ответил бы утвердительно, даже поинтересуйся незнакомец, не жираф ли он. Вместо этого мальчик просто кивнул, слишком нервничая, чтобы говорить. Человек взял его за подбородок и покрутил голову Тико из стороны в сторону. В его взгляде не было привычного отвращения, незнакомец смотрел на Тико, как тот на Мау-Мау.

— Ты очень хороший мальчик. Хочешь прокатиться на грузовике?

Тико никогда не катался на грузовике, но видел, как они проезжают по деревне, когда людям с оружием было нужно куда-то далеко-далеко. Иногда грузовики возвращались, а мужчины в кузове кричали от боли, зажимая кровоточащие раны. Мальчик кивнул. Покататься на грузовике — звучит захватывающе. Особенно с этим человеком. Мужчина взял Тико за руку и повел к зеленой машине, припаркованной в конце переулка.

Когда Тико оглянулся на Мау-Мау, щенок сидел на краю лужи, склонив голову набок, словно пытался понять что-то слишком сложное для своего возраста. Мальчик помахал рукой. На мгновение он мог поклясться, что видел лицо матери, выглянувшей из-за угла. Но когда снова повернулся, она исчезла.

Мужчина открыл дверь машины, и Тико взобрался на сиденье. Он расплылся в улыбке при мысли, как будет завидовать другие дети, когда увидят его в этом грузовике. Но человек не поехал по деревне — он повез Тико прочь, выбрав дорогу, которая вела сразу в перелесок,

миновав лишь несколько домов, и даже не заворачивала в другие деревни.

Тико смотрел, как его городок растворяется в пыльном зеркале заднего вида, и вдруг краем глаза заметил, что улыбка пропала с лица симпатичного мужчины. Это был совсем не тот человек, что появился в отражении в луже. Тико никогда бы не сел к нему в грузовик. Это был тот, кем пугали и дразнили Тико другие мальчишки, — человек, который забирал ведьминых детей. Навсегда.

Глава 1

ПЕРВЫЙ ПОШЕЛ

Я играю в видеоигру, в которой можно убивать по-настоящему. Официально это не игра, а специальная программа — Виртуальная Тактическая Обстановка, но, по сути, именно видеоигра. В реальности это несколько комнат, где на каждую стену проецируют видео, создавая виртуальное пространство — точную копию настоящей квартиры далеко-далеко отсюда.

Сейчас Виртуальная Тактическая Обстановка воспроизводит квартиру в Хойе, пригороде к северу от Парижа. Жилец квартиры, Йосеф Амир, ИТ-сотрудник французского банка, отмечает день рождения сестры на другом конце города. Пока его нет, двое оперативников находятся в его квартире во Франции. Один из них снимает все, что внутри, камерой высокого разрешения, превращая пикселизированное изображение на наших стенах в картинку, по качеству неотличимую от настоящих обоев. Между тем второй — мы зовем его Мутный, потому что камеры ловят только его размытый силуэт, когда он перемещается по квартире, — небольшим устройством, похожим на фонарик, собирает волосы из душа, волокна с мебели, пыль с ботинок и с коврика у двери.

Каждые несколько минут он вытаскивает картридж из своего устройства и передает его третьему человеку, который бегает туда-сюда между квартирой и грузовиком *FedEx*, стоящим на улице. В нем оборудование стоимостью около 20 миллионов долларов, таким гордилась бы любая университетская лаборатория, в режиме реального времени оно расшифровывает ДНК, ищет совпадения, пытается построить портрет каждого, с кем контактировал Йосеф, и отправляет все это нам. Огромное количество данных. К счастью, у нас есть программы, которые помогают все это обработать и достичь главной цели: узнать, взорвется ли бомба на футбольном стадионе в ближайшие двадцать четыре часа.

Имя Йосефа всплыло в перехваченном телефонном звонке рассекреченного члена ИГИЛ из Йемена своему подельнику во Франции. Еще недавно спецслужбы просто вызвали бы Йосефа на допрос и проверили всех, кого он знает, но в последнее время это проблематично. Террористы работают под именами обычных, ни в чем не повинных граждан, в результате чего на допросы таскают куда больше людей, чем об этом можно писать в новостях, и переворачивают им жизнь, пока настоящие преступники разгуливают на свободе.

— Доктор Крей, доктор Сандерс? — спрашивает Эмили Биркетт.

Она — наш куратор от Разведывательного управления министерства обороны. Сильно за тридцать, каштановые волосы стянуты в хвостик, Биркетт — офицер военно-воздушных сил, которая перешла на работу в самую страшную и таинственную из всех спецслужб.

Керри Сандерс и я — гражданские. Сандерс — антрополог, моя ровесница. Ей тридцать с небольшим, прежде чем приступить к работе в *OpenSkyAI*, несколько лет

помогала «Фейсбуку» составлять социальные профили пользователей — кого вы знаете, с кем общаетесь, кто для вас особенно дорог.

На первый взгляд OpenSkyAI ничем не отличается от любой другой высокотехнологичной компании из Остина, штат Техас, офис которой расположен в непримечательном бизнес-центре, населенном в основном производителями видеоигр и медицинского оборудования.

На самом же деле OpenSkyAI — частный подрядчик Разведуправления минобороны, который помогает сортировать данные о тысячах людей, решая, кого схватят и отвезут на тайный допрос, чтобы выяснить, не собираются ли эти люди совершить преступление, создающее непосредственную угрозу национальной безопасности, или, может быть, знают кого-то, кто собирается.

Сандерс изучает лица с фотографий в квартире Йосефа.

— Совпадений нет.

— Тео? — переспрашивает меня Биркетт, на этот раз нетерпеливо. — Йосеф возвращается! Можно отзывать команду?

Я хожу по квартире — ну, по виртуальной копии, — заглядывая в открытые шкафы и комоды, пытаюсь увидеть невидимое, в то время как что-то в глубине моего сознания задается вопросом, как, черт возьми, я вообще здесь оказался.

— Я думаю, он чист, — говорит Сандерс.

Мне хочется с ней согласиться. При мысли о том, что все эти проблемы у Йосефа возникли только потому, что какой-то мудака в Йемене нагуглил его имя, меня тошнит. Но еще я знаю, что не имею права остановиться раньше времени лишь из-за того, что меня тошнит.

Я возвращаюсь в кухню. Холодильник Йосефа облеплен фотографиями. На большинстве из них — он сам с девушкой или друзьями, улыбается в камеру, смеется над столом, заставленным стаканами. Ровно то, чего ожидаешь от типичного парижского миллионера.

Мы уже изучили его поведение в Интернете. Каждый пост в «Фейсбуке», каждый лайк, каждый лайкнувший его посты — все прошло через нашу систему.

Никаких красных флагов. Это не значит, что его вообще ничего не связывает с подозрительными типами. На самом деле мы все связаны с чем-то или с кем-то ужасным. У Йосефа — дядя в Катаре, который ходил в ту же мечеть, что и боевик ИГИЛ, но в нынешнем мире, где все так или иначе связаны со всеми, это в лучшем случае незначительное совпадение.

Проблема поиска цифровых следов заключается в том, что террористы стали умнее. Они знают, как отделить одну жизнь от другой. Мы можем следить за Йосефом, но, если у него есть альтер эго и он достаточно умен, чтобы никогда не смешивать жизнь тайную и явную, поймать его почти невозможно. К счастью, большинство в какой-то момент ошибается. К сожалению, те, кто этого не делают, умнее наших систем. Мы построили лабиринт, в котором крысы умнеют.

— Крей, — говорит Биркетт. — Я отзываю команду!

— Нет! — отвечаю я несколько резче, чем планировал.

— Что у тебя? — спрашивает она.

— Погоди...

— Интуиция?

— Я — ученый. Я учился, чтобы знать точно, а не полагаться на интуицию. Дай мне еще несколько минут.

— У нас уже есть все, что нужно, — говорит Сандерс. — Можно отзывать команду и спокойно изучать материал тут.

— Нельзя... — Я пытался объяснить это им раз сто.

Виртуальная модель, даже основанная на реальных данных, все равно остается моделью. Я знаю, что на столе стоит банка с арахисовым маслом, но не могу быть уверен, что это действительно арахисовое масло, пока кто-нибудь из оперативников не проверит. Это может быть С-4. Я уверен, что на самом деле — нет, но гипотетически это возможно.

Для поверхностного сбора данных — а у нас тут все поверхностно — это так называемое неинвазивное обследование полезно, но оно не заменит хорошую лабораторию.

— Если что, мы можем взять Йосефа, когда он выйдет из метро. Но вы должны дать мне знать, — говорит Биркетт.

Я опускаюсь на колени, чтобы рассмотреть фотографии на холодильнике. Большинство из них распечатаны на принтере. Сандерс стоит позади меня.

— У нас есть все фотографии. Мы прогнали все лица через базу — никаких совпадений.

Я тянусь за фотографией, забыв, что она виртуальная.

— Вот эта. Попросите Мутного взглянуть поближе.

Йосеф улыбается в камеру рядом с молодой зеленоглазой девушкой восточной внешности. На вид — двадцать с небольшим лет и выглядит сногшибательно.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Ее нет в нашей базе данных. Можем расширить параметры поиска, но по имеющимся фильтрам не проходит.

Мутный переворачивает фотографию. На обороте дата — март — и название фирмы «Лучшие события».

— Берем его, — говорю я Биркетт.

Она что-то командует в гарнитуру.

— Есть перехват.

— Кто это? — повторяет Сандерс мой вопрос.

— Черт ее знает. Фотография с одноразовой камеры. Знаешь, покупают на свадьбу, потом отправляют в проявку и получают фото уже в цифровом виде.

— Но, по нашим данным, Йосеф не был ни на какой свадьбе, — отвечает Сандерс.

Я встаю и поворачиваюсь к ней и Биркетт.

— Вот именно! Обычно они посылают файлы с фотографиями. А Йосеф эту фотографию печатал не из файла, иначе мы бы ее уже видели. Он заморочился с пленкой, чтобы не оставлять электронных следов.

Я обращаюсь к оператору, контролирующему визуализацию:

— Загрузите квартиру Мосина Касира.

Мы мгновенно телепортируемся в квартиру в Йемене, которую полевая команда обыскала четыре дня назад. На стене над столом у Мосина висят десятки фотографий.

— Но ее нет на этих фото, — говорит Сандерс. — Программа отметила бы.

Я указываю на фотографию Мосина с пожилой женщиной, чьи зеленые глаза — постаревшая копия глаз девушки.

— Кто это?

Сандерс сверяется с планшетом.

— Сестра бабушки. Обратная сторона фотографии есть?

Я качаю головой:

— Нет. Но размер распечатки и камера — явно те же. Двоюродный брат Мосина женился в марте. И, по нашим данным, Йосеф в это время был в Бахрейне. Возможно, на самом деле тогда он находился в Йемене.

— Поняла, — отвечает Биркетт. — Хорошая работа, Крей. Йосефа взяли. Скоро узнаем точно. А еще запросим фотографии у продавца камеры. Кто знает, что там еще откроется.

Она сияет. Если Йосеф действительно террорист, это оправдает все расходы на операцию перед начальством.

— С этого момента оперативники будут сканировать все фото с обеих сторон, — говорит Сандерс, делая пометку.

Я хочу объяснить, что дело не в этом, но знаю, что бесполезно. Они все поздравляют друг друга с успехом, хотя все, что у нас есть, — это корреляция.

Я выхожу из кабинета под жаркое техасское солнце, бьющее в раскаленный асфальт стоянки, пытаюсь сказать себе, что все хорошо. Но меня продолжает беспокоить, что наши методы и сам процесс могут принести больше вреда, чем пользы. По крайней мере, их должны применять другие люди, которые лучше нас и заняты лучшими делами.

По дороге домой я вновь пытаюсь понять, как, начав с череды трупов, я оказался в лаборатории спецслужб.

Глава 2

КОВБОИ И ИНДЕЙЦЫ

Год назад я работал в колледже, специальность — вычислительная биология. Пытался строить прогнозирующие модели окружающего мира. Работа интересная и важная — результаты могли объяснять причины